

ВОСПИТАЛ
КОМСОМОЛ

ДАЛЕКОЕ — БЛИЗКОЕ

«Я — один из тех, кого воспитал комсомол», — сказал о себе боец, коммунист, писатель Николай Островский. Сказал в тот уже период, когда для него постель стала, как он выразился, «постоянным местом жительства». Но еще и рабочим «столом». За два месяца до кончины он проиэнес на новоселье в сочинском доме: «Самый счастливый человек — это тот, кто, засыпая, может сказать, что день прожит не напрасно, что он оправдан трудом».

Один лечится тем, что отдыхает, говаривал Николай Алексеевич, другой лечится работой. Так вот, он сам принадлежал ко вторым. Слепой, прикованный тяжкими недугами к постели, писатель трудился по двенадцать часов в сутки. И нужно было решение бюро Сочинского горкома партии, чтобы он сделал перерыв для отдыха. С недовольством, но подчинился.

Сам он был чрезвычайно скромнен, умещал свою автобиографию на половине странички. Когда пришло сообщение о его награждении орденом Ленина, искренне удивился: «Неужели это верно? Орден Ленина... Парнишке, скромному мальчику смазчику, бывшему помощнику кочегара...» Прямо скажем, жизнь самого Островского, его борьба за социализм, которому он признается в самой возвышенной любви, — и это признание не прозвучит фальшиво. — была ярче, самоотверженнее и трагичней, чем жизнь героя романа Павли Корчагина.

«Я был отчаянной жизни парень», — признается он в минуту откровения... И только проехав по местам его юности, побывав в Шепетовке, Берездове, Изяславе, побеседовав с теми, кто знал его в те молодые годы, кто вместе с райорганизатором комсомола Николаем Островским коротал вскачь летящие дни в пограничных тогда районах Волыни, смог зримо представить себе того «отчаянной жизни» парня. Высокого, темноглазого, полного огня, дерзостной отваги, всегда открытого товарищам по общему делу.

В старых сапогах, гимнастерке или потертой кожанке все лето и осень 1923 года райорганизатор комсомола и политрук райсевобуча носился по хуторам, создавая новые ячейки молодежи, готовя допризывников в армию. Здесь, в Берездовском районе, Островского приняли в кандидаты партии, а через год уже в Изяславском районе — в действительные члены КП(б)У. Николай не успел здесь получить партийный билет... Зато эти два года — перед началом долгого и мучительного лече-

ния, операций, поездок в санатории — были до краев наполнены кипучей жизнью. Поездками, песнями у костра, политбеседами в комсомольской комнатке с керосиновой лампой, спорами о завтрашнем дне и военными стычками с контрабандистами, бандитами, прорывавшимися через границу.

Бережно читаю недавно найденную в украинских архивах докладную записку Н. Островского, помеченную 20 октября 1923 года. Докладную о выполнении им важного поручения — провести выборы в двух сельсоветах. Стремительно бегущие строки скупко рассказывают, что в селах Большом и Малом Праутине кулаки сговорились, выступали против проводимых властью мероприятий. «Выборы закончились в четыре утра, назначенные кандидаты избраны», — сообщает уполномоченный. Нелегко, судя по всему, пришлось Николаю. А было ему тогда всего восемнадцать...

В окрестных селах Николая называли «завзятым» — неистовым комиссаром, и он гордился этим, потому что в его понимании комиссарами становились самые испытанные бойцы партии. Мог ли политрук райсевобуча тогда предположить, что в январе 1936 года ему присвоит звание бригадного комиссара. Слепого, неподвижного, владающего порой в обморочное состояние от жестоких болей, призвала армия в качестве руководящего политработника. Потому что его книги сражались с врагами.

Только в 1936 году, последнем году жизни писателя, роман «Как закалялась сталь» издавался тридцать шесть раз. Напомним, что первая часть романа была написана в небольшой комнате коммунальной квартиры, когда Островский и его жена Раиса Порфирьевна жили в Москве — Мертвый переулок ныне носит имя Н. Островского. К тяжелому состоянию, постоянным болям добавим еще и бытовые неудобства... Герои романа помогали воспитывать молодежь, звали к борьбе, подвигам. Держу в руках бесценные экспонаты: изданную в блокадном Ленинграде на серой бумаге, малым тиражом книгу о Павке Корчагине. Роман издавали в

осажденном городе в труднейших условиях — это равносильно подвигу, чтобы весь тираж отправить бойцам Ленинградского фронта. Вот еще роман «Как закалялась сталь» без переплета — его всегда носил с собой молодоговардеец Ваня Земнухов...

Гимнастерку с ромбами, которую все знают по хрестоматийным фотографиям, в которой его изображали на портретах живописцы, Николай Алексеевич впервые надел 8 марта 1936 года. Развеселил домашних словами, что вот только ради уважения к прекрасному полу наденет комиссарскую форму, пусть сверкают перед их глазами комиссарские звезды, золотые пуговицы, почетный ромб на петлицах и все остальное, что так пленяет сердца красавиц... Гимнастерку эту, шитую специально для него с разрезом донизу, надевал при жизни всего несколько раз...

В сочинском доме-музее — комната Островского. Радиоприемник, шахматы, патефон. Хозяин любил гостей, любил, когда вокруг веселились, танцевали, пели «Наш паровоз...», «Орленок, орленок...» Улыбался, подпевал. Это были и его праздники, часы отдыха. А был недвижим, слеп, мог лишь слегка, на сантиметр, приоткрыть рот. Вот палочка с марлей на кончике — усилием пальцев он с трудом вытирал пот с лица, чтобы не тревожить ночью домашних. Вот простая деревянная ложка, с которой его кормили. На вопрос корреспондента иностранной газеты, очень ли он страдает, Островский ответил без рисовки: «У меня просто нет времени на это».

Его рабочий день начинался в семь утра. Ему читали газеты, журналы, он диктовал письма, а главное — работал над новым романом «Рожденные бурей». Он словно читал вслух готовые страницы. В эти часы близкие приходили слушать его.

Гостей Н. Островского катала на «эмке» по Сочи и окрестностям водитель Катя Зайцева. Жила она в семье Островских, выполняла отдельные поручения писателя. А поскольку сестру Николая Алексеевича звали тоже Катей, то Зайцеву он шутливо именовал Автокатей. Уговорил пойти на курсы шоферов, оплатил учебу. Екатерина

Давидовна Зайцева, проработавшая на грузовых и легковых машинах около сорока лет, бережно хранит свои правашофера первого класса, котыми когда-то гордился Н.А. Островский.

Еще один музейный экспонат — первая часть романа «Как закалялась сталь». Из Москвы по недоразумению прислали автору вначале единственный экземпляр, и на этой самой дорогой для него книге Николай надписал: «Блге Осиповне Островской — моей матери, бесценной ударнице и верному моему часовому, Н. Островский. г. Сочи 22 декабря 1932 года».

Через всю жизнь бережно принес в себе любовь к этой самоотверженной женщине, малограмотной, но мудрой, боатой чувствами, песеннице и трогрой хозяйке. Когда уже в Шепетовке жили и Коля работал кубовщиком в станционном буфете, заболела мать. Съел свой суп, а кашу забрал с юбой. Женщины ему пару пирожных хотели сунуть, так он наотрез отказался: «Еще подумает мама, что стащил». А сколько бессонных ночей провела Ольга Осиповна, когда пятнадцатилетний сын ушел добровольцем с красногвардейской частью на фронт. Вернулся вскоре посуровевший, в форме, и снова исчез. Теперь надолго — после ранения и контузии три месяца провалялся в киевском госпитале.

Еще не окрепший, худой, в ботинках и обмотках, уехал снова в Киев — учился в техникуме, работал помощником электрика в главных железнодорожных мастерских. Вместе с добровольцами строил узкоколейку до Боярки, спасая город от надвигающейся стужи. Тиф, жестокая простуда, ревматизм... Подлечился в Бердьяске, вернулся в мастерские. Новое испытание — вместе с добровольцами своей комсомольской ячейки спасал в ледяной воде заготовленный на берегу лес при осеннем паводке. Снова тиф, обострение ревматизма. Мать сутками не уходила, парила ноги в настоях трав, отпаивала молоком. Вернулся в Киев обритый, худой. Только по горящим глазам и узнавали друзья комсорга. Как он ненавидел свою слабость, свои болезни, не желал мириться с ними.

Строгий и озорной, острый на слово, великодушный рассказчик, первый запевала, книголюб... И еще правдивый, самоотверженный... Доверял людям, судил о них по себе... Таковы высказывания первых комсомольцев в Берездове, Изяславе, Шепетовке, с кем довелось встретиться. Называли его и фанатиком, бредившим идеями всемирного коммунизма. Ну что сказать об этом? Приведем слова самого Островского:

«Я работал с одиннадцати лет, и работал по тринадцать — пятнадцать часов в сутки. Но меня били. Били не за плохую работу, я работал честно, а за то, что не даю столько, сколько хозяину хотелось взять от меня. Таково отношение эксплуататоров к трудящимся во всем мире». Вот истоки его «фанатизма», безграничной веры в светлый день человечества, святой преданности идеалам коммунизма. «Дружба, честность, коллективизм, гуманность — наши подруги», — записал Островский, готовясь к X съезду ВЛКСМ.

Он умер 22 декабря 1936 года в Москве, в той самой комнате, откуда транслировалась его речь — речь делегата IX Всеукраинского съезда комсомола, где писались последние страницы нового романа «Рожденные бурей». Работники издательства «Молодая гвардия» приложили все силы, чтобы поскорее выпустить книгу. Первые экземпляры «Рожденные бурей» получили близкие писателю люди на Новодевичьем кладбище. Еще при жизни писателя, в 1935 году, возникло движение «корчагинцев». На ударных комсомольских стройках, предприятиях есть корчагинские бригады и вахты, отряды имени Н. Островского и П. Корчагина. В суровых условиях Севера отличается экипаж теплохода «Павел Корчагин». В Рижском порту отличию трудится бригада докеров Николая Бойко, лауреата премии Ленинского комсомола, передавшего эту премию в Музей Н. А. Островского в Москве.

Николай Островский, его Павли Корчагин вместе с нами варят сталь и убирают хлеб, добывают уголь и покоряют космос. Они учат молодежь бороться и побеждать.